

УДК 9.93/94

ТРУДОВЫЕ ЛАГЕРЯ В СИСТЕМЕ БОРЬБЫ С ПОДРОСТКОВОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Б. Н. Самбур

LABOUR CAMPS IN THE FIGHT AGAINST TEENAGE HOMELESSNESS BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

B. N. Sambur

В статье показан процесс становления и динамика развития системы трудовых лагерей для беспризорных подростков на различных этапах исследуемого периода. Автор акцентирует внимание на выводе о том, что труд беспризорных подростков активно использовался в воспитательных целях, а трудовые колонии для несовершеннолетних в годы войны были включены в структуру трудовых ресурсов страны.

The paper shows the process of formation and dynamics of the system of labour camps for homeless teenagers at various stages of the study period. The author focuses on the finding that the work of homeless teenagers was actively used for educational purposes, and labour colonies for minors during the War were included in the structure of the labour force of the country.

Ключевые слова: беспризорные подростки, трудовой лагерь, приемник-распределитель, рабочий ресурс, профессиональное обучение, производственный процесс.

Keywords: homeless teenagers, labour camp, detention center, endurance, training, production process.

С первых дней после установления советской власти большевики продекларировали цель заботиться о подрастающем поколении. Революция и последовавшая за ней Гражданская война выплеснули на улицу большое количество детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. В поисках жилья и пропитания большая часть из них пошла по пути совершения преступлений. Воровство, кражи, грабежи стали в те годы общественно опасным явлением, на борьбу с которым встали комиссии для несовершеннолетних, учрежденные соответствующим декретом в начале 1918 г. Сами комиссии подчинялись Наркомату общественного призрения, но тесно сотрудничали с наркоматами просвещения и юстиции. В их ведение передавались материалы на подростков до 17 лет, уличенных в совершении противоправных деяний. При этом советская власть полностью отказалась от уголовного и судебного преследования подростков. Самым суровым наказанием для них являлось определение в так называемые «убежища» НКОП [12, ст. 227].

Еще через год Совет народных комиссаров создал Совет защиты детей, который обязан был обеспечивать беспризорных подростков жильем, питанием, медицинским обслуживанием и т. п. Совету были даны права обустривать детей на постоянное жительство в «хлеборобных губерниях», где сохранялась благоприятная обстановка с продовольствием [15, ст. 32]. Однако уже в марте 1920 г. правительственное постановление вновь разрешило передавать материалы на подростков в народные суды, если по заключению комиссии о несовершеннолетних они не поддаются «медико-педагогическому воздействию» [1, л. 346 об.].

К этому же году относятся первые упоминания в архивных документах о детских трудовых колониях, которые начали создаваться для размещения малолетних преступников. Причем решения об учреждении таких колоний принимались отнюдь не правительством, а на уровне губернских и даже уездных советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Кроме

того, на этом же уровне принимались решения о создании детских приютов, коммун и т. п. Чтобы упорядочить работу с беспризорными детьми, в феврале 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об улучшении жизни детей» и образовал в своем составе специальную комиссию, имевшую сеть уполномоченных на местах. Им поручалось взять под свою опеку все имевшиеся в губерниях и уездах разрозненные детские учреждения [2, л. 125].

Эта мера была направлена на то, чтобы подчинить работу с подростками единым целям, создать необходимые условия для их физического и умственного развития. Но одних организационных мер оказалось недостаточно. Потоки беспризорных подростков свободно перемещались по стране, не помогали ни заграждения, ни профилактические мероприятия, которые проводились сотрудниками многочисленных приемников-распределителей, приютов, женсоветов и других ведомственных и общественных структур. Соответственно, повышался и уровень подростковой преступности. Положение усугублялось нехваткой или отсутствием помещений для содержания задержанных подростков. В такой ситуации территориальные комиссии нередко помещали их в лагеря и тюрьмы вместе с уголовниками, подвергая тем самым негативному воздействию со стороны последних. На основании информации с мест Президиум ВЦИК дал указание выделить для приемников-распределителей необходимые помещения, оборудовать их спальными местами, открыть столовые для беспризорников на вокзалах, организовать круглосуточное дежурство представителей общественности и правоохранительных органов.

В 1924 г. был принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, ст. 174 предусматривала помещение несовершеннолетних подростков в возрасте от 14 до 16 лет в трудовые дома для получения ими профессионального образования и приобретения навыков самостоятельной жизни. Одновременно подростки проходили курс обучения в начальной школе. В трудовых

домах они находились под надзором воспитателей и наставников до совершеннолетнего возраста, а в отдельных случаях по решению суда срок их пребывания в трудовых домах мог быть продлен до достижения 20 лет (ст. 187).

В советском государстве считалось, что труд является едва ли не единственным действенным средством перевоспитания преступников и правонарушителей. Это относилось и к подросткам, оставшимся без попечения родителей, поскольку все они входили в группу риска и представляли собой потенциально опасную среду. Вплоть до конца 1940-х гг. власти ставили в один ряд несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников. На борьбу с этими явлениями были брошены большие силы общественности, в том числе комсомольские организации. Несмотря на это, в начале 1930-х гг., как отмечалось на Третьем Всероссийском съезде по охране детства, беспризорность приняла угрожающие размеры, в том числе и на Северном Кавказе. В своей резолюции съезд также указал на необходимость усиления трудового воспитания подростков [3, л. 22 – 24].

В середине 1930-х гг. в структуре Наркомата внутренних дел был создан отдел трудовых колоний, функции которого распространялись в том числе и на беспризорных подростков. После соблюдения всех формальностей в приемниках-распределителях юношей направляли в колонии обучаться навыкам обработки дерева или металла, а также основам обувного производства. Девушки осваивали, как правило, профессию ткачих. Часть подростков готовилась для работы в сельском хозяйстве. Кроме того, в колониях создавались кружки и секции по интересам. В производственных помещениях подростки работали не более четырех часов, столько же времени было предусмотрено для получения ими неполного среднего образования. Накануне Великой Отечественной войны в стране в системе ГУЛАГа действовало уже 50 трудовых колоний для несовершеннолетних подростков [11, с. 23].

Трудовые колонии располагались практически в каждом регионе, в частности в Орджоникидзевском крае работала Ворошиловская колония. Первоначально она относилась к колониям общего типа, но в начале 1940 г. в соответствии с приказом Народного комиссара внутренних дел была реорганизована в колонию закрытого типа. Это означало, что с этого времени в Ворошиловскую колонию будут направляться несовершеннолетние в возрасте 16 – 18 лет, осужденные за конкретные преступления и трудно поддающиеся перевоспитанию. На реорганизацию трудовой колонии Управлению НКВД Орджоникидзевского края было выделено 62 тысячи рублей [6, л. 10].

Условия жизни в трудовых колониях обоего типа были тяжелыми. Спальные помещения располагались в основном в неотопляемых бараках, рацион питания не отличался разнообразием. Беспризорные подростки нередко содержались вместе с несовершеннолетними преступниками. После окончания профессиональной подготовки выпускники направлялись на работу в заранее определенные предприятия и хозяйства, где за ними осуществлялся контроль со стороны территориальных органов НКВД [8, л. 51].

Несмотря на принимавшиеся государством меры, число беспризорников подросткового возраста неуклонно росло. В течение второй половины 1930-х гг. в разных российских регионах оно увеличилось на 10 – 15 %, при этом преступность в рассматриваемой среде за этот же период удвоилась. Причина виделась в нехватке детских домов, в слабом уровне вовлечения подростков в общественную жизнь коллектива, в отсутствии нормальных условий для жизни и развития беспризорных подростков, в недостаточном внимании учителей и воспитателей политико-воспитательной работе. По-иному обстояло дело в трудовых лагерях, где не было недостатка в педагогических кадрах, организовывались клубы, создавались кружки. В колониях лучше была поставлена работа пионерских и комсомольских организаций. В начале 1940-х гг. во всех трудовых колониях в общественных организациях значилось около 1,5 тысяч воспитанников [10, л. 39].

Вполне вероятно, что этот опыт послужил основанием для подготовки нового положения о трудовых колониях для несовершеннолетних, утвержденного в конце мая 1940 г. В соответствии с этим документом ужесточался режим содержания, повышались требования к дисциплине подростков. Злостных нарушителей внутреннего распорядка наказывали направлением в штрафной изолятор сроком на пять или десять суток в зависимости от возраста. Проверки соблюдения законности в трудовых колониях проводились регулярно, но только руководством центральных и региональных органов НКВД и прокуратуры [5, л. 50 – 51], представители других ведомств, а также общественности, к этим мероприятиям не допускались.

В октябре 1940 г. все трудовые колонии для несовершеннолетних были переданы в ведение управлений исправительно-трудовых лагерей и колоний по территориальности. Одновременно ужесточились требования к ответственности учащихся профессионально-технических и ремесленных училищ, фабрично-заводских школ. За прогулы, несоблюдение дисциплины и недостойное поведение, в соответствии с указом Президиума Верховного совета, они подвергались судебному преследованию с последующим направлением в трудовые колонии. Для этого дополнительно было создано еще 15 трудовых колоний [4, л. 151]. По нашему мнению, эта мера была продиктована повышенной потребностью промышленных предприятий в рабочих руках, в цифровом выражении эта потребность составляла до одного миллиона человек.

Чтобы стимулировать подростков к овладению профессиями, для успевающих воспитанников трудовых колоний устанавливались дополнительные нормы продовольственного обеспечения. Для нарушителей дисциплины и неуспевающих эти нормы, наоборот, снижались практически вдвое.

После начала Великой Отечественной войны Совет народных комиссаров принял новое постановление о борьбе с беспризорностью. НКВД получил право создавать новые колонии, в которые направлялись безнадзорные подростки с 11 до 16 лет. В эти же учреждения помещались воспитанники детских домов, регулярно нарушающие дисциплину. Для того чтобы совместить процесс воспитания и трудового обучения подростков, колонии начали размещать в помещениях бывших ре-

месленных училищ, пригодных для этих целей. Параллельно было увеличено количество приемников-распределителей, а срок принятия решения о направлении того или иного подростка в трудовую колонию был сокращен до двух недель (ранее для этого требовался один месяц) [9, л. 2 – 3].

Эвакуация людей из прифронтовой зоны стимулировала новую волну роста числа беспризорных подростков. До середины 1943 г. этой проблеме уделялось недостаточно внимания как со стороны власти, так и со стороны ведомств, ответственных за реализацию государственной политики в отношении детей. В июне 1943 г. в составе органов НКВД были созданы отделы и отделения по борьбе с детской беспризорностью. Одновременно правительство санкционировало организацию трудовых воспитательных колоний при Наркомате внутренних дел, в ведение которого перешли также уже имевшиеся трудовые колонии Управления исправительно-трудовых лагерей и ГУЛАГа. До конца года планировалось подготовить условия для приема в колониях порядка 30 тысяч подростков, увеличить емкость существующих колоний до 20 тысяч человек. Ответственность за выполнение намеченных мероприятий возлагалась на начальников территориальных органов НКВД.

Успешные наступательные операции Красной Армии после разгрома немецких войск под Сталинградом требовали слаженной и эффективной работы промышленных предприятий, выпускавших военную продукцию. Соответственно, не снималась задача обеспечения этих предприятий рабочими кадрами. В сентябре 1943 г. руководство органов НКВД на местах получило указание о направлении подростков старше 14 лет на учебу в ремесленные и железнодорожные училища, а также в фабрично-заводские школы в соответствии с потребностями конкретных предприятий. Трудоустройство всех воспитанников трудовых и трудовых воспитательных колоний было поставлено на контроль в комитете (на местах в бюро) по учету и распределению рабочей силы. Органы НКВД на местах и местные бюро по учету и распределению рабочей силы обязывались представлять в соответствующие правительственные инстанции поименные списки подростков, направленных на учебу в профессионально-технические учебные заведения [13, с. 387 – 389, 392 – 393].

Это означало, что беспризорные подростки, начиная с 14-летнего возраста, в годы войны официально были включены в систему трудовых ресурсов страны. В качестве примера беззаветного служения народу подростковой среде беспризорников ставился Александр Матросов – бывший воспитанник детского дома, а потом и трудовой колонии, добровольно ушедший на фронт в 18-летнем возрасте, героически погибший в феврале 1943 г. [14].

Между тем режим содержания беспризорных подростков в трудовых колониях постоянно ужесточался. С ноября 1943 г. все рассматриваемые колонии были взяты под вооруженную охрану. В качестве надзирателей выделялись наиболее ответственные сотрудники охраны Управления исправительно-трудовых лагерей. В этом же месяце в СССР было учреждено восемь специальных трудовых воспитательных колоний для беспризорных подростков с целью повышения уровня

подготовки специалистов для работы на металлообрабатывающих и деревообрабатывающих предприятиях. Для оказания на воспитанников повышенного идейно-политического воздействия в трудовых колониях создавались комсомольские организации во главе с освобожденными секретарями, направлявшимися на эту работу по разнарядке ЦК ВЛКСМ [7, л. 106].

В начале 1944 г. в составе прокуратуры в центре и на местах было создано специальное подразделение, предназначенное для надзора за соблюдением законности в местах содержания беспризорных подростков, в том числе и в трудовых лагерях. Поводом для этого решения послужили многочисленные жалобы воспитанников на условия содержания и работы, плохое питание и медицинское обслуживание, в результате чего в отдельных колониях были отмечены случаи выражения воспитанниками массового недовольства действиями руководства и педагогов. Кроме того, практика показала, что выпускники трудовых колоний в большинстве своем имеют невысокую профессиональную квалификацию, что не оправдывает затрачиваемые средства и надежды на создание рабочего резерва из высококлассных молодых специалистов.

В этой связи заинтересованным руководителям предлагалось не только пересмотреть профиль профессиональной подготовки воспитанников трудовых колоний, но и скорректировать его с экономической специализацией района их расположения. При этом особо подчеркивалось, что все изменения и корректировки в деятельности трудовых и трудовых воспитательных колоний должны быть нацелены на потребности послевоенного времени. Так, в сельскохозяйственных регионах, в том числе и в Ставропольском крае, стало больше внимания уделяться подготовке механизаторов и других специалистов аграрного производства [9, л. 5].

Данное требование вполне согласуется с положением дел на фронте в начале 1944 г. Советское руководство уже не сомневалось в победоносном завершении Великой Отечественной войны, поэтому больше внимания уделяло созданию условий для восстановления страны после войны. В то же время пришлось снова обратить внимание на проблему благоустройства колоний, их санитарное состояние и т. п. Дело в том, что именно в это время возросло количество побегов подростков из трудовых колоний. Чтобы исправить сложившееся положение дел, общественные организации обязывались разнообразить досуг воспитанников, в работе учитывать их личные интересы и склонности. Принимались также меры административно-правового характера: усиление режима охраны, запрещение отпусков и увольнительных, ужесточение наказания за попытку или подготовку побега.

Летом 1944 г. правительство приняло решение об увеличении численности подростков в трудовых колониях еще на десять тысяч человек. Вновь создаваемые колонии оборудовались импортными станками и механизмами, для работы которых в каждой из них монтировались передвижные электростанции. Некоторые колонии стали сами производить отдельные виды производственного оборудования. Чтобы повысить ответственность воспитателей и производственных наставников, они были приравнены в финансовом и продо-

вольственном отношении к учителям средних школ [16, с. 35 – 37]. Что касается воспитанников, то их положение к концу войны лучше не стало. Установленные для них нормы выработки практически не отличались от заданий для взрослых рабочих, на низком уровне находились вопросы охраны труда, в результате чего в колониях регулярно отмечались случаи получения подростками травм и увечий.

Тем не менее производственные показатели работы отдельных трудовых колоний для беспризорных были достаточно высокие, особенно по изготовлению боеприпасов и трикотажных изделий. Правда, за выполнение и перевыполнение плановых заданий премирова-

лись и поощрялись не подростки, работавшие в цехах, а их непосредственные начальники за хорошую организацию производственного процесса.

Таким образом, проведенный анализ показал, что, начиная с середины 1930-х гг., труд беспризорных подростков стал активно использоваться в воспитательных целях [17 – 19]. Для этого государство создало сеть трудовых и трудовых воспитательных колоний, численность которых постоянно росла. Со временем они превратились в производственные единицы советского народнохозяйственного комплекса, а их воспитанники стали полноправной частью трудовых ресурсов страны.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41.
2. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 45.
3. ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 3. Д. 16.
4. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 42.
5. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 57.
6. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 61.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 139.
8. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 103.
9. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28.
11. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Раскулачивание и гонения на Православную Церковь пополняли лагерь ГУЛАГа / под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт-на Майне; М.: Международное общество прав человека, 1999. 453 с.
12. Декрет о комиссиях для несовершеннолетних // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 17 января. № 16. Отд. 1.
13. Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атамашкина, И. Ю. Новиченко. М.: Международный Фонд «Демократия», 2002. 631 с.
14. Комсомольская правда. 1943. 12 сентября.
15. Постановление Совета народных комиссаров «Об учреждении Совета защиты детей» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. 10 февраля. № 3.
16. Постановление СНК СССР № 827 «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний» // Сборник постановлений СНК СССР. 1944. С. 35 – 37.
17. Сипакова Е. А. Дети в системе ГУЛАГа (на примере Южного Урала) // Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. 2011. № 2(12). С. 15 – 17.
18. Славко А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 33 – 43.
19. Славко А. А. Система функционирования детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в России в годы Великой Отечественной войны // Третьи Кремлевские чтения. Ч. 2: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: региональные аспекты исследования» (Казань, 28 апреля 2010 г.). Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. С. 138 – 146.

Информация об авторе:

Самбур Белла Нишльевна – аспирант кафедры философии, истории и педагогики филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, sambur.b@yandex.ru.

Bella N. Sambur – post-graduate student at Department of Philosophy, History and Pedagogics, North-Caucasus Federal University branch in Pyatigorsk.

(Научный руководитель: Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры туризма и гостиничного дела филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Galina.rykun@gmail.com.

Academic advisor: Galina N. Rykun – Doctor of History, Full Professor, Professor at the Department of Tourism and Hospitality Management, North-Caucasus Federal University branch in Pyatigorsk).

Статья поступила в редколлегию 16.11.2015 г.